"Собиралася купавушка..."

(Вологодск. уезда)

Собиралася купавушка[1],
Собиралася не русская,
И царица крымская,
Во мать камену Москву,
Ко тому ли ко царю
Ко Ивану Васильевичу,
Со своим ли сынком
С Кострюком Бирюковичем.
По плечу ему своя матушка
Поколачивала:
На ушко ему своя матушка
Наговаривала:
«Уж ты кланяйся по-низешеньку,
А слова говори по-гладешеньку,
А кресты веди по-писáнному.

И пришла же купавушка,
И пришла же не русская,
И царица крымская,
Во мать каменну Москву,
Ко тому ли ко царю
Ко Ивану Васильевичу,
Со своим ли сынком
С Кострюком Бирюковичем,
Искать сопротивника
Поборотися.
«Уж ты царь Иван Васильевич!
Уж ты что же призадумался?
Не за чем я пришла,
Не за пошлиною:
Уж ли нет у вас,
Во всей каменной Москве,
Сопротивника поборотися

Со моим ли сынком
С Кострюком Бирюковичем?»
Возговорил же царь Иван Васильевич
Своему ли слуге верному,
Неизменному:
«Уж ты слуга мой, верный мой,
Неизменный мой!
Уж ты выйди на Красно крыльцо,
Вострубиже в золоту трубу,
Чтобы собирались все
Князья и бояре,
И все гости гостинные,
И малые детушки[2]!»

Говорила же купавушка,
Говорила же не русская,
И царица крымская:
«Уж ты царь Иван Васильевич!
Уж ты что же призадумался,
Уж ты что ж призапечалился?
Уж ли нет у тебя,
Во всей каменной Москве,
Сопротивника поборотися
Со моим ли сынком
С Кострюком Бирюковичем?»
Возговорил же царь Иван Васильевич
Своему ли слуге верному,
Неизменному:
«Уж ты слуга мой, верный мой,
Неизменный мой!
Ты сходи на задвореньки:
На задвореньках живет вдовушка,
А у вдовушки есть два сына,
Два родныя брателка,
И два молодца хорошие[3]».
По плечу им своя матушка
Наколачивала,
На ушко им
Наговаривала:
«Уж вы кланяйтесь по-низешеньку,

А слова вы говорите по-гладешеньку,
А кресты ведите по-писáнному».

Кострюк, молодой человек,
Уж он с ножки на ножку поскакивает,
На последнюю ступеньку стает:
«Уж ты царь Иван Васильевич!
Уж ли нет у вас,
Во всей каменной Москве,
Сопротивника поборотися[4]?» —
Что пришли же два брателка,
Что пришли же два рóдные,
И два молодца хорошие,
Ко тому ли ко царю
Ко Ивану Васильевичу:
«Уж ты царь Иван Васильевич!
Уж ты что же призадумался,
Уж ты что ж призапечалился?
Говори же с Кострюком,
Ты не робь же с ним:
На один ли раз,
Али на три разá
Ходить поборотися?»
И пошёл же Кострюк на три разá
Поборотися.

И пошел с ним
Старший брат Семенушко.
Уж как на первый-то раз
Повалил Кострюк Семенушка;
А во другой-то раз Семенушко
Кострюка Бирюковича
Поднял выше древа стоячего,
Выше[5] облака ходячего:
Куда рука, куда нога раскатилася,
Куда буйная головушка покатилася.

И пришла же купавушка,
И пришла же не русская,
И царица крымская,

Ко тому ли ко царю
Ко Ивану Васильевичу:
«Уж ты царь, Иван Васильевич!
Ты довел же6 чада милого,
Кострюка Бирюковича!»
И ушла же купавушка,
И ушла же не русская,
И царица крымская,
Со уклонкою, со ласковым словом.

Песни, собранные П. В. Киреевским, Ч. II. Песни былевые, исторические. Вып. 6. Москва. Грозный царь Иван Васильевич, 1864.

Это, о приезде Купавы, отдел совершенно особый: см. В песнях собр. Рыбниковым. — По складу бывальщина, близкая впрочем к «старине»: не пелась, а рассказывалась нараспев.

1 Купава и упава, юго-слав. *хубава*, санкритск. *шуб'а*, есть нарицательное — красавица (блестящая, светлая); оно переходит в прозвище и даже имя, равно как Запава, осмысленное *Забава, Зыбава, Зыбата* и т. п.
2 Это первый вызов, после коего никто не появился.
3 Второй вызов, после коего мать снаряжает сыновей.
4 Вызов третий, после коего являются сами борцы.
5 Должно быть: «*ниже*».
6 То же, что «*извел*»: довел до конца, до погибели. — О.